

Кирилл Финкельштейн

В чужом теле

Тайна жизни

Николая де Райлана

Special to The New York Times. **16+**

Кирилл Финкельштейн

**В чужом теле. Тайна
жизни Николая де Райлана**

«Э.РА»

2021

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Финкельштейн К.

В чужом теле. Тайна жизни Николая де Райлана /
К. Финкельштейн — «Э.РА», 2021

ISBN 978-5-907291-35-5

В написанной на документальной основе книге рассказывается об авантюрной судьбе необычного человека, жившего на рубеже XIX-XX вв. в России и США. Его/её судьба во многом похожа на судьбу кавалерист-девицы Надежды Дуровой, ставшей прототипом фильма «Гусарская баллада». В молодости Райлан сбежала из-под родительской опеки, преобразилась в мужчину, стала гусаром, успешным бизнесменом, «мужем» двух жен, оставила дневниковые записи, похожие на увлекательный приключенческий роман. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-907291-35-5

© Финкельштейн К., 2021
© Э.РА, 2021

Содержание

Пролог. Смерть маленького гусара	5
Часть I	19
Детство	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кирилл Финкельштейн

В чужом теле. Тайна жизни Николая де Райлана

Пролог. Смерть маленького гусара

Четвертого ноября 1906 года в столицу американского штата Аризона, город Феникс, прибыли два добропорядочных джентльмена: грузный седеющий господин и миниатюрный мужчина средних лет с тонким изможденным лицом. Если бы не ботинки на высоком каблуке и элегантный двуполый сюртук в викторианском стиле, со спины его можно было принять за юношу-подростка – сына седеющего господина.

Носильщики погрузили обширный багаж прибывшей пары в дежуривший на привокзальной площади паровой автомобиль, который быстро доставил их в небольшую уютную гостиницу Union. Поддерживаемый спутником миниатюрный мужчина с трудом поднялся на крыльцо отеля. То и дело ему приходилось подносить ко рту платок, чтобы сдерживать приступы глухого кашля. Тонкие руки и худое тело делали его похожим на хрупкую балерину. Казалось, что надетый на нем сюртук был выбран на пару размеров больше необходимого, на вид хрупкий мужчина весил не более 90 фунтов (40 кг). Опытным взглядом хозяин отеля определил: причиной несоответствия, скорее всего, была быстрая потеря веса, столь характерная для больных чахоткой. Все говорило о том, что в гостиницу прибыл очередной больной, страдающий этой распространенной болезнью.

В начале XX века больные чахоткой (туберкулезом легких) съезжались в столицу Аризоны со всей Америки.

Прошло почти 25 лет со времени открытия Кохом возбудителя чахотки, бывшей на протяжении двух последних веков причиной наибольшего количества смертей среди всех болезней, но по-прежнему лучшим способом её лечения считался климат, стимулирующий защитные силы организма. Сухой ветер пустыни, обилие солнца, теплая зима и жаркое лето делали Феникс наилучшим природным санаторием для туберкулезных больных – пристанищем их последней надежды. В городе и окрестностях открывались отели и санатории: палаточного типа для бедных и благоустроенные для богатых. Прием больных туберкулезом превратился в доходный бизнес штата, частью которого стал и отель Union.

Миниатюрный мужчина зарегистрировался под именем Николай де Райлан, а его спутник как доктор Вильям Роу. Они сняли два расположенных по соседству благоустроенных номера, соединенных большим балконом. Пока портье переносил багаж постояльцев в номер, хозяин гостиницы мистер Кристофферсон успел пообщаться с доктором и убедился в правоте своей догадки. Роу поведал, что познакомился с де Райланом несколько месяцев тому назад в расположенном среди Скалистых гор штата Колорадо городке Кэнон, где он работал практикующим врачом. Наряду с Фениксом, Кэнон считался одним из лучших климатических курортов для чахоточных больных. Николай де Райлан прибыл туда из Чикаго, надеясь, что горный воздух остановит болезнь. Какое-то время казалось, что тяжелый недуг отступает, Николай окреп, стал совершать прогулки по живописным окрестностям, в глазах его появилась надежда. Но с наступлением холодов здоровье Райлана ухудшилось, и доктор посоветовал ему перебраться на зиму в теплую Аризону. Как раз в это время в Кэнон приехали сын Райлана Гарри и жена Анна, которая попросила доктора Роу сопровождать мужа в качестве личного врача. Доктор был не обременен семейными заботами, к тому времени он стал вдовцом, обещанная плата 20 долларов в день превышала его доход от врачебной практики, а пациент вызывал искреннюю

симпатию, поэтому без долгих колебаний Роу согласился с предложением. Райлан отправился вместе с личным врачом на юг, в Аризону, а его жена и сын возвратились в Чикаго.

Николай оказался открытым, разговорчивым человеком, и уже через несколько дней хозяин и служащие отеля многое узнали об обстоятельствах жизни нового постояльца. Он рассказал, что родился и вырос в России, фамилию де Райлан унаследовал от отца – русского адмирала; после прибытия в Америку обосновался в Чикаго, где вскоре стал секретарем российского консульства и основал собственное юридическое бюро. С гордостью говорил, что в составе американской армии участвовал в войне с Испанией 1898 года, демонстрировал полученные за отвагу медали и благодарственное письмо гусару Райлану от самого президента Мак-Кинли, чье убийство в 1901 году потрясло всю страну.

С собой у Николая был фотоальбом в дорогом кожаном переплете, который он часто показывал доктору и хозяину гостиницы. На одном из снимков он был запечатлен на вздыбленном коне, в форме знаменитых чикагских «черных гусар»: неперенных участников всех многолюдных торжеств и парадов. Райлан рассказывал, что помимо службы в российском консульстве, его главным времяпрепровождением были тренировки в отряде гусар и в атлетическом клубе.

Альбом был заполнен фотографиями друзей, родственников и собственными снимками Николая. Среди них была вклеена фотография юной девушки с букетом белых цветов, длинной, спадающей на лоб челкой и чуть заметной улыбкой, напоминающей улыбку леонардовой Джоконды. Райлан говорил, что это Женя – возлюбленная поры его юности в России. С большой теплотой он рассказывал об оставшихся в Чикаго красавице-жене Анне и сыне-подростке Гарри, регулярно обменивался с ними письмами. Их фотографии украшали несколько страниц альбома и прикроватный столик хрупкого гусара.

Днем Райлан подолгу сидел в кресле на балконе гостиницы, вдыхал целебный воздух аризонской пустыни, любовался видневшимися вдали очертаниями причудливых гор, которые напоминали результаты игры младенца-великана в «аризонской песочнице»: тяжелые нашлапки из мокрого песка и окаменевшие на знойном ветру песчаные шпильки. Рядом со стоявшей на окраине города гостиницей росли большие одиночные кактусы – толстые зеленые колючие столбы с «руками-отростками» и кактусы поменьше, – растущие прямо из земли жирные светло-зеленые листья с колючками. Изредка по улице проезжал выглядевший заводной игрушкой маленький трамвайчик; однажды по случаю какого-то праздника прошествовал парад конных индейцев и ковбоев. Смотри на них, Райлан вспоминал шумный и чадный Чикаго: переполненные трамваи, людской муравейник перекрестков и многотысячные красочные шествия, которые устраивались в честь Колумбовой выставки. Там, среди городской суеты, остались друзья и подруги, «черные гусары», коллеги по консульству и юридическому бюро, и Анна с Гарри. Вернется ли он к ним живым или его тело привезут домой в заколоченном ящике – ведомо одному Богу.

Иногда Николай вместе с доктором совершал короткие прогулки, во время которых рассказывал о многочисленных романах с женщинами, новостях литературной и политической жизни России. Служба в российском консульстве давала ему возможность выписывать книжные новинки, читать приходящие с дипломатической почтой русские газеты. От де Райлана доктор узнал о русской революции и принятии конституции; чувствовалось, что происходящие на далекой родине события по-прежнему волновали Николая. Роу находил своего пациента образованным, благородным и хорошо воспитанным человеком, хотя иногда, увлекшись, Николай вставлял в рассказ крепкие словечки, повествуя о похождениях в отряде «черных гусар» и других происшествиях своей бурной жизни.

По вечерам он обычно проводил время за игрой в карты в местном казино или за чтением привезенных с собой русских книг. Его любимой была старинная книга в сафьяновом пере-

плете с иллюстрациями на тему наполеоновских войн. Когда доктор поинтересовался содержанием книги, Николай ответил, что это воспоминания Надежды Дуровой, знаменитой в России кавалерист-девицы, которая во время войны с Наполеоном сражалась в рядах русской армии, выдавая себя за мужчину.

Несколько раз доктор сопровождал Райлана в Национальный банк. Впоследствии кассир банка показал, что де Райлан открыл счет вскоре после прибытия в Феникс и предъявил несколько чеков на небольшую сумму. Он же сообщил, что Райлан имел счета в 3-х чикагских банках на разные имена.

Почти ежедневно, когда хватало сил, Николай доходил до почты, интересуясь письмами на его имя. О содержании переписки с супругой и другими корреспондентами он никому не рассказывал, но с родительской гордостью и умилением цитировал доктору письма сына Гарри. Доктор запомнил, что в одном из них говорилось: «Дорогой папа! Надеюсь, тебе нравится Аризона и все у тебя хорошо. <...> Сегодня у меня и у кролика была стрижка, но кролика стриг не парикмахер, у него волосы выпадают сами.

Твой любящий сын Гарри».

Так шел день за днем, в состоянии Райлана наступило хрупкое равновесие, ему казалось, что дела идут на поправку и самое страшное уже позади. Но в начале декабря наступило резкое ухудшение, ночью стала подниматься температура, на платке, которым Райлан старался сдерживать приступы кашля, появились обильные капли крови, лицо обострилось и приобрело восковой оттенок. Доктору стало ясно, что дни пациента сочтены, ему оставалось жить не более нескольких месяцев. Понимал это, видимо, и Николай де Райлан. Внешне он оставался таким же как прежде – спокойным и уравновешенным, лишь взгляд стал отрешенным, – казалось, он смотрит сквозь собеседника, углубившись в воспоминания своей короткой жизни.

Доктору было искренне жаль пациента, ведь Николаю исполнилось всего 32 года, и свои последние дни он был вынужден проводить вдали от родных и друзей. Видя, что больному уже ничем нельзя помочь, доктор спросил: стоит ли послать жене телеграмму с просьбой приехать в Феникс? Райлан ответил, что надеется: Бог внемлет его молитвам и скоро наступит улучшение, а приезд супруги вряд ли чем-либо ему поможет. На вопрос о завещании сказал, что вскоре напишет новое и заверит его у нотариуса, затем добавил:

– Всякое может случиться, доктор, знаю, смерть готова пожаловать за мной в любой момент, все в воле Божьей. Поэтому есть к вам не совсем обычная просьба... Меня не особо волнует, будет ли супруга присутствовать в тот момент, когда я покину этот мир, но после моей кончины она должна сразу же приехать. Дело в том, что мы с женой договорились: если я умру первый, она должна приехать, обмыть тело, обрядить и похоронить меня в Чикаго по православному обряду в костюме гусара. Если первой умрет она – я должен подготовить её тело для похорон.

Доктор пообещал исполнить странную волю умирающего, однако не был сильно удивлен, – так получилось, что он уже кое-что знал о необычном соглашении. Несколько дней тому назад, когда его пациент впал в забытие после тяжелого приступа, доктор подошел, чтобы поправить подушки, и его взгляд случайно остановился на листе бумаги, лежащем на прикроватном столике. Видимо, это было короткое послание от супруги Анны. Воспитание доктора не позволяло ему читать чужое письмо, да он и не смог бы этого сделать при всем желании, ведь написано оно было по-русски. Но невольно пробежав глазами исписанную крупным округлым почерком страницу, его взгляд остановился на единственной фразе, написанной на английском: «No one should touch my body, as long as my wife is not coming» (Никто не должен касаться моего тела до тех пор, пока не приедет моя жена). «Возможно, – подумал доктор, – Анна посылает любимому супругу инструкции, что он должен сообщить окружающим, почувствовав приближение смерти». Как выяснилось впоследствии, доктор был недалек от истины.

Правда, еще в Колорадо он заметил, что теплые отношения супругов де Райлан были во многом неискренними, показными... вряд ли Николай был счастлив в личной жизни. Роу также слышал, как Райлан рассказывал хозяину гостиницы о трудностях во взаимоотношениях с женой, которая постоянно требовала от него денег. А когда Райлан послал за кассиром банка, попросил его снять все деньги с чикагского счета и перевести их в Феникс, он признался кассиру, что принял эти меры предосторожности, чтобы жена не узнала о существовании вклада. Чувствовалось, что между Николаем и Анной была какая-то скрытая от посторонних глаз тайна. Но спрашивать у пациента об обстоятельствах личной жизни было не в правилах доктора.

Утром 18 декабря наступила агония, Райлан стал впадать в забытие, около двух часов дня он пришел в себя и находившийся рядом доктор Роу спросил: «Следует ли телеграфировать Анне?». Николай ответил: «Думаю, пора, хотя я еще надеюсь поправиться», а через пятнадцать минут его дыхание остановилось.

Зафиксировав смерть пациента, Роу отправил телеграмму теперь уже вдове Николая, где сообщал о смерти, спрашивал, когда она приедет и какие будут распоряжения насчет тела мужа. После этого он отправился в наиболее известное в городе похоронное бюро «Мон и Дрисколл», названное так по имени его владельцев, и договорился о перевозке тела в морг. Доктор помнил о странном завещании Райлана не касаться его тела до прибытия жены. Но неизвестно, сколько времени придется её ждать, а потом, видимо, Анна повезет останки в Чикаго... поэтому он попросил забальзамировать тело, чтобы уберечь его от тления. Вероятно, это показалось ему более важным.

Останки Райлана были доставлены в морг и мистер Дрисколл начал подготовку к бальзамированию. Он приготовил раствор на основе формалина, инструменты, с помощью которых собирался ввести в кровеносную систему бальзамирующий раствор и уложил тело на специальном столе. Дрисколл был профессионалом в своем деле и не был склонен к сантиментам, но еще в отеле заметил доктору, что удивлен, насколько женственным выглядит лицо умершего: с гладкой нежной кожей, без всяких признаков усов и бороды. Его удивление многократно возросло, когда он стал освобождать тело от одежды. Под натальной рубашкой Дрисколл обнаружил изящный крестик на серебряной цепочке, на котором было выгравировано какое-то слово славянскими буквами. Грудь Райлана оказалась перевязанной широким бинтом, под которым скрывался маленький, но явно не мужской бюст. Дальнейшая проверка показала, что Николай де Райлан был... ЖЕНЩИНОЙ. И в этом не было никаких сомнений.

Потрясенный неожиданным открытием, Дрисколл накрыл тело и отправился на поиски доктора Роу, чтобы расспросить о пациенте. Найдя доктора в офисе отеля, владелец похоронного бюро стал задавать наводящие вопросы и вскоре убедился, что Роу ничего не знал о странном обмане. Ведь если он хотел скрыть что-либо, то сам положил бы тело в гроб и подготовил его к погребению.

Когда Дрисколл наконец прямо спросил: «Известно ли вам, что де Райлан женщина?», – доктор был ошеломлен и обескуражен. Он ответил, что подолгу находился со своим пациентом тет-а-тет в номере отеля, на прогулках и в путешествии, но никогда Райлан не давал повода заподозрить его в принадлежности к женскому полу. Роль мужчины игралась великолепно. К тому же у него были настоящие жена и сын и чисто мужские привычки. Правда, заметил доктор после непродолжительного раздумья, была у Райлана и пара подозрительных странностей. Так его пациент позволял прослушивать легкие только со спины и через нижнюю сорочку, а на его лице не было признаков растительности, хотя они вместе посещали парикмахерскую, где Райлан регулярно «брился».

После беседы Роу и Дрисколл решили, что тело обязательно должно быть забальзамировано, необходимо также уведомить власти и послать телеграмму «жене» о неожиданном открытии, что и было сделано в этот же день. Они договорились, что не будут предпринимать никаких действий и не станут предавать дело широкой огласке до получения ответа из Чикаго и начала официального следствия.

Однако сохранить секрет о необычном происшествии в неизбалованном событиями провинциальном городе было практически невозможно. Уже на следующий день в утреннем выпуске местной газеты *Arizona Journal-Miner* («Журнал аризонского шахтера») появилась заметка под кричащим заголовком: «УМЕРШИЙ МУЖЧИНА ОКАЗАЛСЯ ЖЕНЩИНОЙ». Новость тут же перепечатали многие провинциальные и столичные газеты, и имя Николай де Райлан стало известно всей Америке. Толпы репортеров Чикаго и Феникса кинулись по следам загадочной женщины в поисках жареных фактов. Были опрошены личный врач и те, с кем «он» сталкивался в Фениксе. В Чикаго разыскали «вдову» и её сына, а вскоре и первую «жену» Райлана, – оказалось, что «он» был женат дважды. Выяснили, что Николай де Райлан в течение десяти лет служил секретарем генерального консула России в Чикаго – барона Альберта Шлиппенбаха, был организатором и владельцем весьма прибыльного «Русского юридического бюро», работавшего в тесном контакте с консульством; что на его счетах в чикагских банках хранилось около 6 тысяч долларов – значительная по тем временам сумма, эквивалентная ста семидесяти тысячам долларов в нынешнем исчислении. Один из счетов был открыт на имя Николая де Райлана, другой – на имя Николая Константиновича, третий – на имя «сына» Гарри. Писали, что Райлан жил на широкую ногу и тратил несколько тысяч долларов в год: сумму, намного превышающую скромную зарплату клерка.

Знакомые Николая, служащие юридического бюро и консульства, нынешняя и предыдущая жены в один голос утверждали, что произошла какая-то ошибка: Райлан без сомнений был мужчиной. «Женщина, женщина? Это абсурд, де Райлан был мужчиной, хрупким и худощавым, но несомненно мужчиной. Я прожила с ним 5 лет, онпил, курил, волочился за женщинами, это стало причиной нашего развода, я знала несколько его пассий», – сообщила первая «жена» Николая, Евгения. Её нынешний муж Фрэнсис Брэдчулис добавил, что был связан с де Райланом по бизнесу, они вместе посещали пляжи, и сомневаться в принадлежности Николая к мужскому полу у него оснований нет.

Посетившие дом последней супруги Анны репортеры застали её в траурном платье, плачущей, с прижатой к груди фотографией мужа.

– Мертвая женщина в Фениксе – мой муж? Это невозможно. Он, вероятно, был ограблен, где-то спрятан, надеюсь, что он еще жив. Если же он действительно умер в Фениксе, то его тело было впоследствии заменено. Не исключено, что Райлана убили могущественные русские враги из-за его революционной деятельности, – сказала вдова, затем добавила, перемежая слова всхлипываниями: – Он был таким хрупким и маленьким, для меня он был скорее ребенком, чем мужем. Я так сильно его любила, он всегда был великодушен ко мне. Мой муж был великолепно образован, свободно говорил на пяти языках, хорошо разбирался в российской истории и политической ситуации в стране. Он рассказывал мне, что был рожден в пригороде Санкт-Петербурга, а его отец был адмиралом российского флота.

На вопросы о прошлом Николая, причинах, заставивших сменить пол и покинуть Россию, журналисты не смогли получить ясных ответов. Выяснилось, что ни «женам», ни друзьям, ни коллегам «он» почти ничего не рассказывал о прошлой жизни.

Российский консул в Чикаго барон Шлиппенбах сообщил корреспондентам:

– Де Райлан признался мне, что был воспитан как девочка и носил корсеты, которые сформировали его фигуру как женскую. По воле родителей «он» посещал пансионат для дево-

чек, внешним видом не отличался от соучениц, потом в «его» жизни произошли какие-то события, заставившие покинуть родину. Однажды «он» сказал, что был рожден в Одессе, другой раз местом рождения назвал Киев, а как-то заявил, что родился в Японии. Думаю, Николай был королем лжецов. Несколько лет тому назад я просил полицию в России расследовать «его» прошлую жизнь, но никаких следов найдено не было.

В другом интервью барон заявил, что нанял Райлана как переводчика с французского и польского языков, позже он стал клерком консульства и личным секретарем консула. А полгода тому назад он уволил Райлана, поскольку тот украл письмо, содержащее важную государственную информацию. (Как станет ясно в дальнейшем, «правдивостью» отличался не только консульский клерк, но и сам консул).

«Жены» Николая де Райлана мало смогли добавить к сказанному о его происхождении. По словам первой «жены», Евгении Брадчулис, Николай был выходцем из среднего класса южной части России. Некие революционные тайны заставили его покинуть родительский дом в Елисаветграде (в советское время Зиновьевск, Кирово, Кировоград, с 2016 г. – Кропивницкий, Украина). Госпожа Брадчулис рассказала, что однажды втайне от мужа обнаружила в его сундуке дневниковые записи. Она успела прочитать лишь описание романа Райлана с девушкой, жившей в городе Каменце-Подольском. На следующий день муж заметил, что супруга рылась в его вещах, и пришел в неистовство. Он пригрозил, что если еще раз застанет её за этим занятием, то не раздумывая пристрелит. Евгения также рассказала, что в России у Райлана был роман с девушкой по имени Женья, из Санкт-Петербурга. Он называл её «мой ангел», регулярно с ней переписывался и даже посылал деньги через бывшего российского консула в Чикаго, фон Таля.

От нынешней вдовы де Райлана корреспонденты узнали, что её муж родился под Петербургом в городе «Ивадной» (sic!), покинул Россию из Одесского порта в возрасте 18 лет, постоянно получал письма с родины, которые уничтожал после прочтения, внимательно следил за всеми вновь прибывшими русскими, в особенности из Одессы; что «сын» де Райлана Гарри на самом деле был её сыном от первого мужа Джозефа Армстронга и что из всех знакомых де Райлан приглашал в дом лишь российского консула барона Шлиппенбаха и вице-консула князя Енгальчева.

Разыскивали даже портного, парикмахера и шофера такси, услугами которых Николай часто пользовался. Портной заявил, что наряды Райлана были «самыми странными из виденных мною. По указанию Николая я вшил в пальто длинные толстые прокладки по бокам талии. Снимая мерку, я обнаружил, что он носит корсет, но правила взаимоотношений с клиентами не позволяли мне обсуждать с ним особенности его фигуры». Парикмахер Паоло Ринальди поведал, что де Райлан приобрел у него не менее двух десятков различных лосьонов и кремов в попытке отрастить усы и бороду. Однако ни малейших признаков растительности на его лице так и не появилось. По словам водителя такси Лембракиса, он часто возил де Райлана в компании женщин в театры и другие увеселительные заведения. Зачастую он наблюдал жестокие ссоры между своими пассажирами, когда Райлан в припадке гнева нападал на спутницу, царапал ей лицо, но никогда не прибегал к ударам. Самым странным было то, что иногда Николай пользовался такси, переодевшись в женскую одежду...

Очевидцы рассказывали, что Николай де Райлан был всегда хорошо одет, тщательно следил за своим костюмом, ухаживал за волосами и ногтями, говорил высоким голосом, ходил семенящей походкой, но пил, ругался и курил больше многих мужчин.

В чикагских газетах были опубликованы несколько фотографий Райлана, на которых он был запечатлен симпатичным юношей вскоре после прибытия в США; состоятельным американским джентльменом в длиннополом сюртуке, цилиндре и галстук-бабочке; лихим гусаром на вздыбленной лошади. На снимке, сделанном незадолго до отъезда из Чикаго на лечение, видно, что он явно нездоров – похудевшее лицо, запавшие глаза, взъерошенные волосы и

заострившийся нос выдавали тяжело больного человека. Были опубликованы также фотографии «сына» Гарри – не похожего на «отца» подростка с большими губами и широким носом, и «супруги» Анны – властной женщины внушительных размеров.

Писали, что в Чикаго найдено завещание Николая, согласно которому все свое имущество он оставляет любимой «жене» – госпоже Анне де Райлан, и «моему дорогому сыну». На основе завещания одна из газет выдвинула теорию, что де Райлан на самом деле является матерью мальчика, но по каким-то причинам выдавала себя за его отца. А его настоящим отцом был русский князь, с которым у Райлан был страстный роман во времена её молодости в России.

Подлила масла в огонь домыслов и слухов статья, опубликованная через 3 дня после смерти Райлана чикагским агентством новостей Inter Ocean. В ней сообщалось, что один из лидеров Бунда (еврейской лево-социалистической партии), он же известный российский подпольщик Исаак Липшиц, опознал по фотографии де Райлана. Липшиц заявил, что знал скончавшегося секретаря под видом женщины, мадмуазель Рачнович, присоединившейся к революционному Бунду в январе 1905 года. Она была одним из получателей знаменитого «динамитного фонда», собиравшегося в пользу русской революции, ей были доверены 275 долларов, собранных на революционном митинге в Чикаго в 1905 году. По каким-то причинам эти средства не достигли собратьев-революционеров в России, но мадмуазель Рачнович была вне подозрений, поскольку части «динамитного фонда» часто застревали в пути.

После выхода этой заметки одни газеты стали писать, что Райлан был нанят царским правительством, чтобы осуществлять в Америке слежку за бывшими соотечественниками, поддерживающими революционеров в России, – в частности, за чикагским Бундом; другие – что Райлан передавал бунтовщикам конфиденциальные сведения из консульства.

Недостаток достоверной информации пополнялся собственными фантазиями журналистов, наваянными непроверенными слухами. На основании того, что, как выяснилось, история не знала русского адмирала с фамилией Райлан, а по сведениям друзей «его» отчество было Константинович, делался вывод, что Николай был внебрачным сыном, – вернее, дочерью, – великого князя, председателя Государственного Совета, адмирала Константина Николаевича – сына императора Николая I-го.

Приводились сведения некоего заслуживающего доверия лица, согласно которым де Райлан как девочка учился в духовном училище недалеко от Одессы. Он был «ребенком дворянина и прекрасной нигилистки, которая была сослана в Сибирь по обвинению в заговоре с целью подрыва одного из царских дворцов и там скончалась». Муссировалась версия, что тело де Райлана было заменено, он жив и скрывается от русской секретной полиции, так как был связан с революционерами.

Основываясь неизвестно на чем, писали, что из Европы Райлан в облике женщины приплыла в Мексику, где стала помощницей поверенного в делах России Адольфа Девершница (Deverschnitz), после смерти которого обнаружилось, что поверенный – женщина. Этот «опыт», мол, оказал влияние на Райлан, и после прибытия в Нью-Йорк она стала выдавать себя за мужчину. (Однако в ежегоднике Министерства иностранных дел никакого Девершница среди дипломатического корпуса не значится. Поверенным в делах России в Мексике с 1891 года был барон Роман Романович Розен).

Душещипательную историю поведал репортерам Эдвард Нокс – привратник дома, в котором жили в Чикаго Райланы. Он утверждал, что близко знал Николая и часто совершал с ним совместные конные прогулки, во время которых Николай обычно был облачен в изящную гусарскую форму с саблей на боку.

– После того как Райлан вступил в общество чикагских гусар, он попросил меня помочь приобрести лошадь. В конюшне продавалась чрезвычайно норовистая кобыла, известная как «убийца мужчин». Увидев ее, де Райлан стал настаивать на приобретении именно этой лошади. Я отговаривал моего друга, но он возражал, утверждая, что лошадь должна быть полна жизни.

– Однажды на конной прогулке Райлан рассказал мне историю своей жизни. Он говорил, что его родители были благороднейших кровей, имели дворец под Санкт-Петербургом. Они отправили сына в Париж для завершения образования, там он встретил прекрасную юную француженку и женился на ней. Свадьба привела родителей в неистовство. Однако через три года они простили его и пригласили вместе с женой и двумя детьми в свой дворец. Вскоре Райлан уехал в путешествие по Германии, оставив семью на попечение родителей. Вернувшись, он не застал детей и жену в живых – они были отравлены в его отсутствие. Райлан проклял родителей и сбежал в Америку, поклявшись никогда не возвращаться на родину. Он просил никому никогда не рассказывать эту историю, так как она все еще приносит ему невыносимые страдания.

В заключение Нокс рассказал, что у Райлана не росли усы и борода и он готов был заплатить 75 долларов, если привратник достанет ему средство для выращивания таковых. Николай даже посылал деньги во Францию, где якобы пытались создать чудодейственное снадобье, но и заграничное средство не помогло.

Особое рвение в деле написания фантазий на тему жизни де Райлана проявил двадцатилетний чикагский журналист и начинающий драматург Ральф Кеттеринг. Уже через две недели после смерти Райлана, 2 января 1907 года, он передал на хранение в Библиотеку Конгресса пьесу в пяти актах собственного сочинения под названием *The man who was a woman* («Мужчина, который был женщиной») – мелодраму, основанную на знаменитом деле де Райлана. Судя по рекордным срокам, Кеттеринг написал свое творение в течение нескольких дней, основываясь на первых сенсационных статьях о таинственной женщине-мужчине и своих представлениях о далекой и загадочной России.

В первом акте (1894 год), в домике под Одессой, в котором живут Оуриетта Маралова с младенцем Гарри (она же впоследствии де Райлан), её служанка Ольга и брат Владимир, неожиданно появляется русский царь Николай. Приезжает он лютой зимой, на санях, в сопровождении лишь верного слуги Ивана, прямиком из Петербурга в Одессу! Оуриетта оказывается гражданской женой царя, Гарри – незаконнорожденным наследником престола, а Владимир – пьяницей и картежником, находящимся на содержании российского самодержца. Побочный наследник является помехой коварному царю и тот, после непродолжительного торга, убеждает Владимира, готового за водку продать любого, похитить малютку. За сто тысяч рублей Владимир соглашается ночью выкрасть Гарри и подложить его в сани к царю Николаю, который по пути домой собирается отдать собственного сына в монастырь. Попутно выясняется, что царь собирается жениться... Потрясенная Оуриетта произносит страстный монолог: «Ты собираешься бросить меня и свое дитя, стать двоежёнцем во имя условности царской крови, я ненавижу тебя, царя всея Руси. <...> О Николай, я так любила тебя, а ты обесчестил меня, ты разбил моё сердце!» (Рыдает, уронив голову на стол). В следующей сцене Владимир хитростью выманивает служанку из детской, хватая младенца, но тут его обнаруживают бдительные Оуриетта и Ольга, вступают с ним борьбу и вырывают младенца из рук негодяя. А служанка в пылу схватки из непонятно откуда взявшегося револьвера стреляет в продажного Владимира, и он падает бездыханным. Занавес.

Второй акт мелодрамы разворачивается четырьмя годами позже в российском консульстве в Чикаго (1898). Ранним утром туда является посланец из России – агент секретной службы по имени Фелка Нарговика. (Видимо, автор считал имена Оуриетта, Гарри и Фелка исконно русскими.) Первый, кого агент встретил в консульстве, был секретарь консула Шлиппенберга – Николай де Байлан. Фелка показывает Байлану официальное письмо из Петербурга, из которого следует, что по приказу царя он прибыл в Чикаго с двумя помощниками на поиски ребенка царских кровей, похищенного одной сумасшедшей женщиной. У них есть все основания полагать, что она вместе со служанкой и мальчиком скрываются в Чикаго. После того

как они изловят беглянок, их отправят на пожизненную каторгу в Сибирь, а царь позаботится о ребенке. (Байлан нервно закуривает).

Последующие два акта пьесы напоминают приключения из серии: «он догоняет – она убегает». Кольцо вокруг Байлана сжимается. Чтобы отвести от себя подозрения в принадлежности к женскому полу, он делает предложение девушке из высшего света, которое та с радостью принимает. Однако преследователи не поддаются на уловку, погоня продолжается, и в конце концов служанка Ольга, переодевшись Байланом, дает ему возможность ускользнуть вместе с сыном Гарри из-под носа царских ищек. Пожертвовавшую собой служанку хватают и этапируют в Россию, на рудники в Сибирь.

Последний акт. Байлан (при смерти от чахотки) живет с Гарри в Аризоне у доброго ковбоя Большого Билла. Вдруг раздается стук копыт, и у домика ковбоя появляются покрытые пылью барон Шлиппенберг с молодой женой – бывшей невестой Байлана, и вездесущий агент Фелка Нарговика. Они убеждают Байлана-Оуриетту отправить Гарри в Россию, где, как клятвенно обещал российский царь, ему будут оказаны королевские почести: он будет жить во дворце в Санкт-Петербурге, в роскоши и довольстве. Понимая, что долго ей не протянуть, мать соглашается и, после слезной сцены прощания, гости с мальчиком уезжают. Несчастная Байлан-Оуриетта со сдавленным стоном падает на пол и умирает. Занавес.

Видимо, молодой автор рассчитывал сорвать хороший куш, поразив публику разгадкой тайны Николая де Райлана и «знанием» особенностей русской жизни. Однако его поспешность сыграла с ним злую шутку. За время создания «шедевра» было опубликовано интервью с последней «женой» Райлана, раскрывшее загадку происхождения «сына» Гарри. Возможно, поэтому ни один театр не принял пьесу к постановке, резонно посчитав, что публика, прочитав газеты, может быть разочарована фантазиями автора.

Опубликованные в течение трех дней после смерти Райлана сведения вызвали немалый ажиотаж и в Фениксе. Сотни зевак отправились в морг, чтобы взглянуть на останки загадочной женщины. Нездоровый интерес как к диковинной мумии явно оскорблял память умершей, но вступить за её честь было некому. Вначале тело обрядили в «его» привычную одежду – черный сюртук а-ля принц Альберт и темные брюки, чтобы сделать фотографию и отправить её для опознания в Чикаго; затем останки переодели в длинный белый шелковый женский плащ, сочтя такой наряд более уместным. В этой одежде, как писали местные газеты, Райлан стал походить на женщину: линии лица казались более мягкими, стали видны следы былой женской красоты.

Одним из первых посетителей морга стал некто Чарльз Таннер, который заявил сотрудникам похоронного бюро, а затем и корреспондентам газет, что познакомился с Райланом тринадцать лет тому назад (1893) во время всемирной выставки в Чикаго. В то время юный Николай работал в издательстве и секретарем представителя России на выставке. В течение трех лет, с 1895 по 1897 год, Таннер, де Райлан и еще один молодой человек по фамилии Кастл вместе снимали холостяцкую квартиру. Юноши стали близкими друзьями, Таннер и Кастл иногда подшучивали над женоподобной внешностью Райлана, но никогда не сомневались в его принадлежности к сильному полу, поскольку у их друга были все повадки мужчины: он курил сигары, пил виски, любил посещать общество женщин. По словам Таннера, де Райлан был благородного происхождения, а его настоящие имя и отчество были Николай Константинович.

В дальнейшей беседе Таннер пролил свет на загадку участия Райлана в испано-американской войне и на обстоятельства получения благодарственного письма от президента Мак-Кинли. Он рассказал, что в самом начале войны они вместе отправились на призывной пункт, горя желанием завербоваться в армию, посетить в её составе дальние страны, где разворачивалась американо-испанская битва. Чарльз был зачислен в армию и принял участие в сражении

на Филиппинах, а Николая забраковали из-за малого роста и тщедушного телосложения даже без медицинского освидетельствования.

История с письмом Мак-Кинли, по словам Таннера, также оказалась весьма прозаической. В составе чикагских «черных гусар» Райлан участвовал в эскорте президента во время его последнего посещения города. Хотя Николай был опытным наездником, испуганная кем-то или чем-то лошадь выбила его из седла, и на глазах у Мак-Кинли он упал на землю, сильно поранившись. Президент приказал остановить свой экипаж и участливо спросил, насколько тяжело травмирован всадник. По возвращении в гостиницу он написал незадачливому гусару письмо, в котором выражал сожаление и сочувствие, а вовсе не благодарность за участие в войне. Таннер также сказал, что не знает, откуда у Райлана появились медали за войну с Испанией, – возможно, он приобрел их у участников сражений.

Все эти объяснения выглядели весьма правдоподобными, но каким образом Таннер оказался в Фениксе в то время, когда там умирал его бывший друг, репортеры выяснить не смогли. Да и личность самого Чарльза Таннера оказалась весьма загадочной. Так чикагский консул барон Альберт Шлиппенбах через несколько месяцев после смерти Райлана рассказал корреспондентам, что хорошо знал Чарльза Таннера как Карла Неймана – сына известного адвоката из Митавы (ныне Елгава, Латвия). Барон сам был уроженцем этого города Курляндской губернии России, поэтому в справедливости его слов сомневаться не приходилось. Он не слышал о Карле со времен испанской войны до тех пор, пока не получил от него телеграмму в связи со смертью Райлана. В то время как Таннер, или Нейман, был в Фениксе, он переписывался с бароном на тему смерти его бывшего друга, но впоследствии исчез из поля зрения консула.

На следующий день после кончины Райлана по поручению окружного прокурора в Фениксе началось официальное следствие. Врачи Бизелл и Палмер произвели вскрытие тела, которое показало, что смерть наступила в результате туберкулеза легких, а умершая была полноценной женщиной, притом девственницей. Осмотревшие перед этим останки Райлана понятые и следователь Бюрнет выпустили официальный вердикт следующего содержания: «Мы, понятые, нашли что человек, живший здесь с 4 ноября под именем Николай де Райлан как мужчина, в действительности был женщиной, и тело, осмотренное в морге, принадлежит той же персоне. Смерть наступила в результате туберкулеза».

Здесь следует упомянуть об интригующем открытии, которое сделал Дрисколл, когда собирался забальзамировать тело. Американская пресса о нем стыдливо умалчивала, лишь в одной из статей аризонской газеты говорилось, что под одеждой мужчины Райлан успешно скрывала тело женщины, а её «маскарад касался самой ненужной и лишней детали». Этой «деталью» был искусственный мужской детородный орган, сделанный из продолговатого замшевого мешочка, набитого гусиным пухом, который был прикреплен к специальному ремешку, опоясывавшему талию Райлана. Возможно, Дрисколл специально не говорил об этом открытии журналистам, чтобы не вызвать нездоровый ажиотаж, но поведал о нем врачам, производившим вскрытие. Врачи не стали делать из этого тайны от коллег, и в большинстве медицинских статей по вопросам пола, где упоминается «случай де Райлана» (начиная с 1907 года), говорится об искусно сделанном «замшевом органе».

Двадцать первого декабря 1906 года в рамках проводившегося следствия был произведен осмотр вещей умершей женщины-мужчины в присутствии понятых, следователя, Дрисколла, доктора Роу и примкнувшего к ним Таннера. Последний был приглашен не только как друг покойного, но и как знающий русский язык, поскольку следствие надеялось, что документы и письма Райлана смогут приоткрыть завесу тайны, которая взволновала всю страну. Перед тем как подняться в номер, Дрисколл показал Таннеру нательный крест, снятый с умершей. Оказалось, что на нем славянской вязью было выгравировано имя «Николай». Таннер сказал, что этот же православный крест был на его друге в то время, когда они вместе снимали квар-

тиру в Чикаго. Вероятно, Николай носил его еще в России. Чарльз также вспомнил, что Райлан никогда не расставался с недорогими наручными часами, на обратной стороне которых была выгравирована изящная монограмма «de R». После того как именно такие часы были найдены на прикроватной тумбочке в номере Николая, следствие и газетные репортеры стали относиться к словам Таннера с большим доверием. Несомненно, он хорошо знал Райлана.

Кроме часов в тумбочке лежало: пара книг, фотоальбом, восковой слепок руки совершенной формы и небольшая шкатулка, в которой хранились два кольца с бриллиантами, наличность на сумму 180 долларов, а также несколько золотых цепочек и другие ювелирные изделия. Найденная в шкафу верхняя одежда де Райлана была типичной для джентльмена – простой, но выбранной со вкусом, из дорогих добротных материалов. Однако его элегантные банные халаты и нижнее белье говорили, скорее, о пристрастиях женщины.

Пролистав найденную в тумбочке книгу в сафьяновом переплете, следователь Бюрнет обнаружил там написанное по-русски письмо, которое чрезвычайно заинтересовало Таннера. Оказалось, что это было письмо от главного редактора Санкт-Петербургской газеты «Новое Время» А. С. Суворина к российскому комиссару на всемирной выставке в Чикаго Константину Константиновичу Ракуса-Сущевскому, в котором он просил того быть на выставке представителем самой известной в России газеты. Таннер рассказал, что во время выставки Райлан был секретарем Ракуса-Сущевского, тесно сошелся с ним, они вместе снимали квартиру. Возможно, Сущевский случайно или намеренно оставил письмо, когда возвращался в Россию, и Райлан сохранил его как память о выдающемся друге, который, по словам Таннера, был известным государственным деятелем и в течение многих лет был близок к царю. (После того как эти свидетельства Таннера были опубликованы в газете, журналисты предположили, что, возможно, де Райлан и Ракуса-Сущевский – одно и то же лицо).

Наибольший интерес «поисковой бригады» вызвал большой расписной ларец в русском стиле, обнаруженный в одном из чемоданов Райлана. Ларец оказался заперт на ключ, который, впрочем, вскоре нашелся. Но когда ключ в замке повернули, ларец не открылся, он оказался с секретом. К «силовому» вскрытию ларца вернулись через несколько дней после похорон Николая, когда Таннер уже уехал из Феникса, а по решению местного суда по наследству право временного распоряжения собственностью Райлана было предоставлено владельцу похоронного бюро Дрисколлу. Последний высказал предположение, что в ларце может находиться бомба, – мало ли что можно ожидать от этих русских: ведь сведения о терроре и бомбистах в России стали достоянием и американской прессы. Он предложил установить ларец в безлюдном месте и с безопасного расстояния выстрелом из пистолета открыть крышку. Но следователь Бюрнет оказался не робкого десятка и решил вскрыть расписной ящик с помощью молотка и стамески. Остальные участники «вскрытия» благоразумно спрятались под лестницей, и когда следователь уже примерялся, где лучше нанести первый удар, он обнаружил рядом с ручкой ларца еле приметный потайной деревянный винт, замаскированный в резном украшении. После того как он ослабил винт – крышка ларца открылась...

Никаких взрывчатых веществ в ларце не оказалось, присутствовавшие облегченно вздохнули и приступили к исследованию его содержания. Однако помимо медальона с изображением богородицы, иконки, восковой фигурки какого-то святого, книг на русском, нескольких стопок различных бумаг, перевязанных бечёвкой, писем и двух больших тетрадей, в нем ничего не было.

Большинство писем и рукописные записи в тетрадях, за исключением нескольких страниц стихотворений на английском, были написаны на русском, поэтому прочитать их в отсутствие Таннера (другого переводчика под рукой не оказалось) было невозможно, и вместе с отчетом об осмотре вещей тетради и письма впоследствии отправили в российское консульство в Чикаго. Только два письма оказались написанными на английском. Одно – от мэра Чикаго к «атташе российского консульства Николаю де Райлану» с приглашением на официальный

прием, другое – от доктора, подтверждавшее, что де Райлан является членом отряда чикагских гусар. Среди других бумаг оказались копии документов, которые Райлан прежде подавал на американское гражданство, несколько десятков чеков на небольшую сумму на его имя и многочисленные документы, касающиеся Русского юридического бюро.

На дне ларца лежали две любопытные заметки, вырезанные из чикагских газет. В одной, датированной апрелем 1894 года, рассказывалось о походе двух русских юнцов, арестованных за приставание к девушкам. Одним из них был Николай де Райлан – личный секретарь русского комиссара на Всемирной Колумбовой выставке, другим – А. Е. Рошете, гражданский инженер при комиссии.

Вторая заметка, датированная началом 1898 года, подтверждала слова Чарльза Таннера о попытке де Райлана принять участие в испано-американской войне. В ней говорилось, что среди тех, кто обратился в начале войны с просьбой о зачислении в армию, был человек по имени де Райлан, связанный с консульством России. После того как ему сказали о необходимости осмотра для зачисления в пехоту, он решил, что будет поступать в кавалерию, но принят не был. Полковник Янг, отвечавший за набор в армию, описал его как слишком маленького, тщедушного и хрупкого человека, не пригодного к военной службе. Видимо, эти заметки были дороги де Райлану как доказательство его мужских подвигов.

С момента смерти хрупкого гусара между Фениксом и Чикаго происходил интенсивный обмен телеграммами. Помимо «жены», сообщения о смерти де Райлана и о его истинной половой принадлежности были посланы в чикагский банк, чикагский суд по делам наследств и завещаний и в российское консульство. В ответной телеграмме российский консул попросил доктора Роу сообщить о событиях в Фениксе. Доктор собирался уже покинуть Аризону, поэтому незамедлительно выслал консулу барону Шлиппенбаху отчет вместе с сопроводительным письмом, которое было опубликовано в чикагской газете:

«Феникс, штат Аризона, 22 декабря 1906.

Барону Шлиппенбаху.

<...> Де Райлан часто говорил о Вас и всегда с большим почтением, так что я чувствую себя неплохо знакомым с уважаемым русским консулом – бароном.

Я считаю де Райлана честным, прямым, благородным джентльменом и буду вечно хранить память о нем. Я с трудом могу заставить себя сказать “о ней”, ибо я только знал Николая как мужчину, благородной души мужчину. Её благородство заключается и в том, что, как показало вскрытие, она была добродетельной женщиной-девственницей.

Почему она пряталась под видом мужчины, я не могу сказать. Но и после смерти она не хотела, чтобы её тайна была раскрыта.

Я вышлю Вам её фотографию на смертном одре. Собираюсь поехать отсюда в Лос-Анджелес, затем в Кэнон Сити, штат Колорадо. Я переехал туда пару лет тому назад из Чикаго, где работал врачом с 1883 года.

Желаю вам всего хорошего. Так обычно писал Райлан в письмах к Вам.

С уважением,

В. С. Роу»

После получения сообщения о смерти Райлана и «его» принадлежности к женскому полу начальник отдела по делам наследств и завещаний чикагского округа Кук, в котором проживал де Райлан, наложил арест на его счета в чикагских банках. Заказанные с них Райланом деньги в Феникс перевести не успели. Появились сведения, что Райлан завещал последней «жене» и «сыну» всю свою собственность, которая включает немалые деньги, драгоценности и личные вещи. Но могла ли женщина иметь жену, может ли «жена» претендовать на «его» наследство и является ли «его» завещание действительным? Возможно ли, что «жена» де Райлана не

знала, что «он» был женщиной, и не являлась соучастницей обмана? Все эти вопросы требовали судебного рассмотрения.

Узнав об аресте счета, Анна де Райлан быстро осознала, что наследство может ей не достаться и наняла адвоката для защиты своих интересов. В телеграмме на адрес похоронного бюро Мона и Дрисколла она сообщила, что не сможет приехать в Феникс и потребовала, чтобы обстоятельства смерти её мужа перестали быть достоянием гласности. В ответной депеше ей ответили, что она сама стала виновницей ажиотажа, заявив о замене тела мужа на женское. Но на главный вопрос, когда следует отправить тело Райлана в Чикаго и кто будет оплачивать перевозку, ответа не последовало. Только 23 декабря была получена телеграмма, в которой Анна Райлан просила, чтобы останки мужа захоронили в Фениксе с минимально возможными затратами, а все «его» личные вещи были отправлены к ней. Чикагские репортеры также узнали, что муж первой жены Райлана Фрэнсис Брэдчулис, участвовавший с Николаем в совместном бизнесе, предложил оплатить перевозку тела своего друга в Чикаго, но Анна отказалась.

Обряд прощания с диковинной женщиной состоялся днем 24 декабря в часовне похоронного бюро Мона и Дрисколла. Все предшествующие дни бюро было заполнено посетителями, желавшими посмотреть на останки Райлана, узнать последние слухи и сплетни о загадочной русской женщине-мужчине. Но с началом поминальной службы двери часовни были закрыты от любопытствующих, пришедших взглянуть на последний акт разыгрывавшейся на их глазах драмы, благо «представление» было бесплатным. На службу, которую вел священник Маклиан, были допущены лишь несколько официальных лиц, служащие отеля, «бривший» покойную парикмахер, несколько корреспондентов и единственный человек, знавший Райлана прежде – Чарльз Таннер. Доктор Роу к этому времени уже покинул Феникс. Поминальная молитва была краткой, отец Маклиан тактично не затронул жизненного пути умершей, ограничившись словами о бренности земной жизни, царствии Божьем, отпущении грехов и вечном покое. Больше с прощальным словом выступить не пожелал никто.

Поскольку умершая была женщиной-девственницей, был соблюден обряд похорон непорочных дев и детей. Одета в длинный белый плащ, Райлан покоилась в белом гробу, который после окончания богослужения установили на белый катафалк (символы чистоты и непорочности) и процессия медленно двинулась в сторону недавно открытого кладбища Greenwood. Вслед за конной повозкой-катафалком следовала повозка с носчиками гроба, за ней в автомобиле-такси ехали бывший друг умершей Чарльз Таннер, священник и управляющий местной государственной школы; замыкали процессию повозки с любопытствующими и сочувствующими.

Можно предположить: Николай умер с мыслью, что в последний путь его будут провожать жена и сын, которым достанется нажитое им состояние, а также друзья и коллеги; одетый в костюм гусара он будет отпет в русской церкви по православному обряду, а в памяти людей останется лихим наездником и гулякой, успешным бизнесменом, заботливым отцом и покорителем женских сердец. По злой иронии судьбы ни одно из желаний Николая не осуществилось, а ее/его двойная жизнь стала достоянием желтой прессы. Слабым утешением в загробной жизни могло служить лишь то, что он был похоронен с дорогим его сердцу нательным православным крестом с выгравированным на нем именем Николай.

Казалось бы, вместе с телом навсегда ушла в могилу тайна жизни де Райлана и никто никогда не узнает настоящее имя «Николая», – кто были её родители, почему выдавала себя за мужчину, что вынудило её покинуть Россию, как удалось ввести в заблуждение двух «жен», российское консульство в Чикаго и многочисленных клиентов русского юридического бюро. Однако дальнейший ход событий показал, что точку в этом загадочном деле ставить было рано. В течение нескольких лет после смерти маленького гусара интерес к его/её жизни не ослабевал: были опубликованы интервью с «женами» Райлана и российским консулом в Чикаго, перипе-

тии борьбы за его наследство, сведения о русском юридическом бюро, изложение дневниковых записей Николая и две большие статьи, напечатанные в российском историческом журнале.

В следующей части книги приводятся результаты исторического расследования, в котором рассказывается о жизни Николая де Райлана в России и Америке: о детстве и юности, проведенных в Одессе, Киеве и Санкт-Петербурге, об обстоятельствах бегства в Соединенные Штаты, участии во Всемирной выставке 1893 года, русском юридическом бюро, взаимоотношениях с «женами», судебной битве за наследство, литературных и лингвистических талантах, а также о мотивах поведения с точки зрения современной медицины. Отдельная глава посвящена судьбам близких друзей и покровителей Райлана: российского консула барона Альберта Шлиппенбаха и вице-консула князя Николая Енгальчева.

В заключение пролога заметим, что как и репортеры, освещавшие дело Райлана, так и автор этой книги в одних случаях говорят о Райлане «он», в других «она», смущая и себя, и читателей. Несомненно, биологически Райлан была женщиной, и росла и воспитывалась как девушка. Но с определенного возраста она стала не только одеваться в мужскую одежду, но и ощущать себя мужчиной, проявляя достоинства и недостатки сильного пола. Поэтому, рассказывая о времени, когда героиня повествования ходила в женской одежде, будет употребляться местоимение «она», а с момента перевоплощения в Николая де Райлана – местоимение «он».

Часть I

Историческое расследование

Пролог написан в строгом соответствии с материалами газетных статей декабря 1906 года, полных домыслов, предположений и журналистских фантазий¹. В *Историческом расследовании* автор старался следовать фактам, отделяя зерна истины от плевел домыслов падких на сенсации репортеров. В результате многолетних поисков шаг за шагом удалось восстановить жизненный путь Николая де Райлана – путь необычного человека, сумевшего преодолеть заклятие пола, чья судьба во многом перекликается с судьбой перевоплотившейся в мужчину кавалерист-девицы Надежды Андреевны Дуровой². Так же как Дурова, Райлан происходила из дворянской семьи, в молодости сбежала из-под родительского крова, преобразилась в мужчину, стала гусаром, оставила дневниковые записи, похожие на увлекательный приключенческий роман.

Интерес к воспоминаниям Дуровой³, где она рассказывает как под личиной корнета Александрова принимала участие в Отечественной войне 1812 года, не угасает в течение почти двухсот лет, примером чему могут служить книги, пьеса, опера и фильмы, в которых нашли отражение приключения кавалерист-девицы⁴. И хотя Райлан не довелось участвовать в кровопролитных сражениях, хочется верить, что история ее/его жизни вызовет не меньший интерес у современных читателей.

Главными источниками сведений о жизни Николая де Райлана в Америке стали газетные публикации 1906–1908 годов и материалы чикагского гражданского суда, в котором слушалось дело о разводе Райлана с первой женой и дело о его наследстве. Без особой надежды на успех автор книги послал запрос в архив суда с просьбой отыскать дела Николая де Райлана. К большому удивлению, через месяц после непродолжительной переписки пришел увесистый пакет, содержащий копии 25 страниц бракоразводного процесса Райлана 1903 года⁵ и 130 страниц дела о его наследстве 1907–1908 гг. с подробными показаниями свидетелей, выступлениями адвокатов и судей, финансовыми и юридическими документами⁶.

Одна из страниц судебных документов о наследстве сразу же привлекла внимание. Выглядела она довольно странно. Это был перевод на английский доверенности на ведение дел на имя чикагского консула барона Альберта Шлиппенбаха от матери Николая де Райлана, нотариально заверенный в Одессе 13/26 октября 1907 года. Необычность документа заключалась в том, что сквозь напечатанный на машинке английский текст⁷ было отчетливо видно зеркальное изображение доверенности, написанной чернилами от руки на русском языке. Видимо, перевод был напечатан на тонкой бумаге, сквозь которую проступил рукописный оригинал: «Чрез

---

¹ Список источников пролога приведен в конце книги.

² Надежда Андреевна Дурова (1783–1866) – офицер кавалерии Русской Императорской армии, участница Отечественной войны 1812 года, писательница, автор мемуаров. В 1806–1816 гг., переодевшись в мужское платье, служила в кавалерийских частях под именами Александра Соколова и Александра Александрова. Участвовала во многих сражениях, включая Бородинское.

³ Дурова Н. Кавалерист-девица. Происшествие в России. Часть I. С.-Петербург, 1836. Впервые отрывок из воспоминаний Дуровой был опубликован в журнале «Современник» кн. 2, 1836, с предисловием А. С. Пушкина.

⁴ Наиболее известным примером является фильм Эльдара Рязанова «Гусарская баллада» (1962) по пьесе А. Гладкова «Давным-давно».

⁵ Eugenia Raylan vs. Nicolai Raylan. De Raylan Divorce File G-240095, 1903. Circuit Court of Cook County, Cook County Clerk of Court Archives.

⁶ Estate of Nicolai Raylan, Probate File, P2-8482, 1907–1909. Cook County Clerk of Court Archives.

⁷ Перевод доверенности на английский был заверен вице-консулом Соединенных Штатов в Одессе Альфредом Смитом.

предъявление сего доводится до сведения всех, что я, вдова Коллежского Ассессора Серафима Петровна Терлецкая, будучи законной наследницею и ближайшею по родству Анны Мамертовны Терлецкой, именовавшей себя Николаем Константиновичем Райланом, умершей, назначаю Императорского Российского консула в Чикаго Именем моим действительным и законным поверенным <...> в совершении всех действий и формальностей следуемых или необходимых в получении вознаграждения, страховки и помощи за смерть вышеозначенной Анны Мамертовны Терлецкой, она же Николай Константинович Райлан, <...> сим даю вышеозначенному поверенному полное право заступать меня во всех судах и во всех необходимых случаях, получать и расписываться в получении моих наследственных частей...

В присутствии свидетелей подписано мною,

Серафимой Петровной Терлецкой, вдовой коллежского ассессора.

13/26 октября 1907 года эта доверенность была составлена мною, Германом Самойловичем Гуровичем, нотариусом Одессы, в моей конторе, расположенной на Приморской улице д. 6 от имени Серафимы Петровны Терлецкой, вдовы Коллежского Ассессора, которая проживает в Одессе на Софиевской улице, дом 11⁸ и персонально мне известна».

Таким образом стало известно, что под именем Николая де Райлана скрывалась дочь коллежского ассессора Анна Мамертовна Терлецкая, а её мать звали Серафима Петровна. Поиск сведений о Мамерте, Серафиме Петровне и Анне Терлецких в российских архивах не привел к положительному результату. Поэтому о том, как складывалась судьба Анны-Николая в России, долгое время можно было судить лишь по сведениям из двух тетрадей с «дневниковыми воспоминаниями» и письмами, найденными в Фениксе после смерти Райлана.

Тетради были посланы в российское консульство в Чикаго, затем переданы служащему чикагского департамента наследств и завещаний, которому было поручено вести дело о наследстве Райлана. Этим служащим был молодой чикагский адвокат Михаил Файнберг (1886–1957) – выходец из столицы Виленской губернии России города Вильна (ныне столица Литвы Вильнюс). Он с энтузиазмом взялся за расследование необычного дела: совершил поездку в Феникс, чтобы доказать пол де Райлана и опровергнуть притязания «вдовы» на его собственность, внимательно изучил рукописное наследие Николая и опубликовал, в переводе на английский, в газете *Chicago Tribune* некоторые письма и изложение дневниковых записей, которые потом с небольшими вариациями были перепечатаны многими американскими газетами⁹.

В публикациях этот документ назван *дневником*, однако более точным является определение *записки* или *воспоминания*, поскольку написаны они были уже после прибытия автора в Америку. Записки охватывают несколько лет из жизни Райлана с 1888 по 1892 год, от учебы в старших классах гимназии в России до первых шагов на американской земле. В них приводится достойная автора детективных романов история перевоплощения в мужчину и перипетии бегства из России. К сожалению, краткость изложения газетной статьи и вероятные неточности перевода записок с русского на английский не дают ясной картины событий и переживаний их автора. Заметно, что это не оригинальный текст, а изложение чикагского журналиста, которому Файнберг, видимо, дал обширное интервью. К тому же читателю, хоть немного осведомленному с реалиями жизненного уклада в России в конце XIX века, уже с первых страниц записок становится ясно, что они представляют собой причудливую смесь вымысла и реальности. Несмотря на эти недостатки, дневниковые записи Райлана долгое время оставались единственным документом, по которому можно было представить себе жизнь Анны-Николая на родине.

---

⁸ Терлецкая Серафима Петровна (Софиевская, 11) упоминается в издании: «Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1912 год». Изд-во «Одесские новости», 1912. С. 300.

⁹ «Diary Discloses De Raylan Plot», *Chicago Daily Tribune*, June 26, 1907: 7; «T e de Raylan mystery in process of unraveling», *Arizona republican*, June 29, 1907: 5. Все последующие цитаты из дневниковых записей Райлана приводятся по этому источнику.

И только когда книга о Райлане была практически завершена, по косвенной ссылке в недавно изданной книге по проблемам пола в итальянской культуре¹⁰ выяснилось, что в 1917 году в российском журнале «Исторический вестник» была опубликована большая статья¹¹ профессора Новороссийского университета (Одесса) В. Н. Образцова¹², в которой со слов матери Анны – С. П. Терлецкой – подробно рассказывалось о жизни её дочери от рождения до бегства в Америку. Серафима Петровна сама обратилась к профессору Образцову с просьбой опубликовать историю дочери, поделилась воспоминаниями и некоторыми документами (переписка с судебным следователем и чикагским консулом Шлиппенбахом). Одной из причин, побудившей Терлецкую предать историю своей семьи гласности, стала статья «Маленькая историческая тайна» её дальнего родственника Н. Виташевского¹³, опубликованная в 1915 году так же в «Историческом вестнике»¹⁴. В ней автор, основываясь на слухах и сплетнях, рассказанных ему сестрой и тетей, повествует о загадочном ребенке – мальчике неизвестного происхождения, воспитывавшемся в семье Терлецких под видом девочки. Эти домыслы Серафима Петровна посчитала оскорбительными для себя, своих родственников и «памяти горячо любимой, ныне уже покойной дочери» и решила «способствовать раскрытию тайны, которую она переживала в своем материнском сердце».

Приводимая ниже история жизни Анны Терлецкой от рождения до бегства из России основывается на сведениях, приведенных в статьях Виташевского, Образцова и дневниковых воспоминаниях Райлана. Каждый из этих источников не может претендовать на истину в последней инстанции: в записках Райлана переплелись действительные события и фантазии автора, которые он, похоже, иногда принимал за реальность; Виташевский пользовался непроверенными слухами, а в наиболее полном и достоверном рассказе Серафимы Петровны заметны нестыковки и умолчания. Надеемся, что сравнение этих текстов, в которых одни и те же события преподносятся по-разному, поможет воссоздать правдивую картину жизни нашего героя.

¹⁰ Lorenzo Benadusi, Paolo L. Bernardini, Elisa Bianco. Homosexuality in Italian literature, society, and culture, 1789–1919. Cambridge Scholars Publishing, 2017.

¹¹ В. Н. Образцов. Разъяснение «Маленькой исторической тайны». Исторический вестник. Т. CXLIX. Июль–август 1917. С. 165–187.

¹² Профессор Владимир Николаевич Образцов (1873–1926) закончил с отличием медицинский факультет Казанского университета. С 1904 г. работал на кафедре нервных и душевных болезней Новороссийского университета. Автор более чем 30 научных работ, посвященных диагностике, клинике и лечению нервных и душевных заболеваний, председатель Одесского общества невропатологов и психиатров.

¹³ По отдельным фразам в воспоминаниях С. П. Терлецкой можно с уверенностью говорить о том, что её дальним родственником по материнской линии был Николай Алексеевич Виташевский (1857–1918) – писатель, мемуарист, революционный деятель, актер и этнограф. Родился в Одессе, в 1878 г. получил 4 года каторги за революционную деятельность. Затем жил в ссылке в Якутии, занимался исследованиями быта и фольклора якутов. В 1897 г. вернулся в Украину. С Серафимой Петровной и её мужем Виташевский встречался в молодости в доме своего деда, и в 1898 году – уже после исчезновения Анны.

¹⁴ Н. Виташевский. Маленькая историческая тайна. Исторический вестник. Т. CXLII, 1915, С. 485–494.

Детство

По сведениям статьи Образцова, Анна Терлецкая родилась 12 декабря 1872 года в Одессе, в семье Ромуальда-Мамерта Мамертовича и Серафимы Петровны (1843 – после 1917) Терлецких. Серафима Петровна происходила из многочисленного дворянского рода Сизовых. Её отец Петр Тимофеевич Сизов в 1820 году закончил Штурманское черноморское училище, в течение более 30 лет ходил на различных судах у берегов Кавказа, участвовал в нескольких боевых стычках с турками, написал курс «Практической астрономии» по французским и немецким руководствам, в 1857 г. был уволен со службы с чином капитана 1-го ранга, скончался в 1871 году¹⁵. Возможно, именно благодаря рассказам матери о дедушке-капитане Райлан говорил, что его отец был адмиралом.

Отец Анны – поляк по происхождению¹⁶, католик, по образованию юрист. В момент знакомства с будущей супругой служил судебным чиновником при военном штабе. Образцов пишет, что любовь 18-летней Серафимы не вызвала сочувствия у её отца, он был решительно против заключения брака из-за польского происхождения жениха. Тем не менее дочь, страстно полюбившая красавца-поляка, воспротивилась родительской воле и пригрозила побегом. В конце концов отец дал согласие (свадьба состоялась в 1863 году), но отказался чем-либо обеспечить молодых. Поэтому в начале супружеской жизни им пришлось сильно нуждаться.

Встречавшийся в середине 1860-х в доме деда с четой Терлецких¹⁷ Н. Виташевский говорил о них как о паре, на которую все заглядывались: «она всех очаровывала: стройная, пропорционально сложенная, с прекрасным цветом лица, с живыми глазами и розовым ртом. Что касается её мужа, то это был красавец в полном смысле слова: необычайно правильные, хотя несколько крупные черты лица, умеренная полнота, вышесредний рост, а главное – печать интеллигентности и внутреннего сознания собственного достоинства, – все это резко выделяло его фигуру из ряда обычных посетителей деда. <...> Отношения между супругами были (или только казалось) идеальными. Они очень предупредительно относились друг к другу и ни о каких семейных “историях” в их доме никогда не возникало разговора».

Через год после свадьбы у Терлецких родился сын Виктор, но прожил всего семь лет – скончался от дифтерита, последующие двое детей – Николай и Ангелина, умерли от болезней в младенчестве. Казалось, Терлецких преследует злой рок. В 1868 году Серафима Петровна родила дочь Варвару, которую в семье любовно называли Вавочкой, а через четыре года, 12 декабря 1872 года, еще одну девочку. При крещении ей дали имя Анна¹⁸, но в семье установился обычай называть Анну «Ниной», и новое имя осталось за нею так прочно, что даже некоторые знакомые не знали её действительного имени. Серафима Петровна рассказала, что Нина родилась слабой и хилой девочкой, была лишена живости и веселости: «Ребенок был каким-то маленьким флегматиком, ко всему относился холодно, ничего не желал и ни к чему не тянулся».

Вскоре после рождения Анны-Нины отец семейства оставил государственную службу и поступил юрисконсультom в находившееся в Петербурге правление Лозово-Севастопольской

---

¹⁵ «Общий морской список», XI. – Соколов, «Русская морская библиотека», СПб. 1883 г., № 247.

¹⁶ Отец Анны, вероятно, принадлежал к польской шляхте. Так в Гербовнике Несецкого (издание 1842 года) упоминается два рода Терлецких (польск, Terlecki): герба Сас, в воеводствах Великого Княжества Литовского и герба Пшесвянт, представители которого жили на территории Саноцкой земли – то есть современной юго-восточной Польши. Известен также герб Терлецких, внесенный в «Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи», часть II.

¹⁷ В статье Виташевского фамилия Терлецкий заменена на Чарнецкий. Чтобы не путать читателя, в книге употребляется настоящая фамилия.

¹⁸ У матери Анны имелось свидетельство Херсонской духовной консистории, акт крещения и служебный формуляр мужа с вписанными в него детьми, которые подтверждают факт рождения Анны Мамертовны в семье Терлецких.

железной дороги (затем в правление Общества Юго-Западной железной дороги), и семья переехала в столицу Российской империи. Как поляк-католик Мамерт Мамертович не имел хороших перспектив на продвижение на государственной службе¹⁹, а работа на частных предприятиях, какими в то время были железные дороги, обеспечивала достойное существование.

Содержавшая в то время в Петербурге меблированные комнаты тетка Виташевского утверждала, что рождение Нины «сопровождалось баснословным поднятием их состояния. <...> Нина была окружена необыкновенной заботой, любовью и роскошью, далеко выходящими за пределы средств Терлецких», намекая на получение какого-то наследства. Со слов той же тети Виташевский пишет, что «в Петербурге у Терлецких “родился” ребенок, которого они воспитывали как девочку, под именем Нины (и соответственно одевали), но который на самом деле был мальчиком и, по всей вероятности, даже не был их сыном». Причиной этих слухов послужил эпизод, случившийся в 1884 году, когда Нине исполнилось двенадцать лет. В это время Серафима Петровна с двумя дочерьми и гувернанткой некоторое время жили в Одессе в меблированных комнатах той самой тетки Виташевского, которая к тому времени переехала из Петербурга в южный город.

«Ребенок, который жил при С. П. Терлецкой под именем “Нины” на правах её дочери был одевал, конечно, в женское платье. Но он обнаруживал все ухватки мальчишки. <...> На этой почве между матерью и её “дочерью” происходило немало недоразумений. И вот однажды, рассерженный отказом в чем-то или раздраженный замечанием, которое ему пришлось выслушать от “мамы” или гувернантки, ребенок ворвался в своем обычном растерзанном виде в кухню и тут, жалуясь на якобы несправедливость по отношению к нему, ляпнул:

– Черт знает что со мною делают: одевают девочкой, не дают свободы, а на самом деле я мальчик и хочу жить, как живут мальчики... Скажу маме, что не буду носить больше платьев. <...> С этого момента в нашей семье утвердилось убеждение, что над прошлым ребенка, “родившегося” в семье Терлецких, лежит какая-то тайна», – писал Виташевский.

О том, была ли в прошлом Нины какая-то тайна и о причинах её странного поведения станет ясно из дальнейшего повествования. Сейчас же вернемся в 1875 год, когда Терлецкие переехали в Петербург, «предоставив слово» Серафиме Петровне.

«Когда ребенку исполнилось три года и здоровье его было по-прежнему слабым, я обратилась в Петербурге к профессору Быстрову²⁰. Исследовав дочь, он посоветовал мне изменить её воспитание. “Одевайте, – говорил он, – Нину в костюмы мальчиков. Не стесняйте её тело никакими шнуровками и застежками. Устройте на дому трапезию, положите тюфячок и предоставьте ей полную свободу. Пусть она развивается как мальчик”. Я так и сделала. Через полгода девочка совершенно преобразилась. Она стала здоровее, бодрее, появился аппетит, а главное и самое замечательное, так это то, что она очень полюбила свои мальчишеские забавы и почти не отрывалась от них. Годы шли. Нина поправилась, и вот, когда ей наступил седьмой год, я решила одевать её как девочку. Но каково было моё удивление, когда я заметила, что Нина ненавидит свой новый костюм – платье. Она начала просить меня избавить её от подобного наряда, уверяя, что костюмы девочек для нее невыносимы, но я не уступала. Нина расплакалась. “Я не хочу быть девочкой”, – говорила она, рыдая... <...> Нина пользовалась каждым удобным случаем, чтобы изрезать ножницами свое платье или испачкать его чернилами... Мало того, она ломала все свои игрушки, если только они соответствовали её полу. Куклы, колясочки, кровати – все уничтожалось ею с каким-то особенным презрением и негодованием. Она даже отказывалась играть с девочками, её друзьями могли быть только маль-

¹⁹ После подавления польского восстания 1863–1864 гг. властями культивировался образ поляка как противящегося законной власти: бунтовщика, заговорщика и мятежника.

²⁰ Николай Иванович Быстров (1841–1906) – один из первых педиатров России, тайный советник; доктор медицины, основатель и первый профессор кафедры детских болезней Императорской Военно-медицинской академии, основатель Санкт-Петербургского Общества детских врачей, почётный лейб-педиатр Двора Его Императорского Величества.

чики, а любимыми игрушками – барабан, сабля и лошадка. Несмотря на эти странности, Нина была очень умной и доброй, хотя и вспыльчивой девочкой. Это была натура глубокая и очень впечатлительная».

Около 1883 года, когда Нине исполнилось 10 лет, семья переехала из Петербурга в Киев из-за изменений в служебной карьере отца семейства. Здесь Серафима Петровна определила дочерей в гимназию: Варвара пошла в четвертый класс, продолжив начатое в Петербурге обучение, а Нина в первый. В это время мать заметила у дочери новые странности: отвращение к волосам, заплетенным в косу, и к девической школьной форме. Иногда ночью Нина просыпалась и начинала горячо молиться. «Бывало, сижу с ней в комнате, и вдруг, обратившись лицом к иконе, она с печалью говорит: “Боже, почему ты сделал меня девочкой, а не мальчиком?” Это меня страшно удивляло, так как в период беременности, когда ожидалось появление на свет Нины, я страстно желала, чтобы родился мальчик».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.